

**ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**  
**ПОСТАНОВЛЕНИЕ**  
**КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПУНКТА 2**  
**ЧАСТИ 6 СТАТЬИ 142 И ЧАСТИ 7 СТАТЬИ 155 КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА**  
**“СУДЕБНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ” КОНСТИТУЦИИ НА**  
**ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ АРАЙКА МЕЛКУМЯНА**

г. Ереван

15 ноября 2019 г.

Конституционный Суд в составе Г. Товмасына (председательствующий), А. Гюлумян, А. Диланяна (докладчик), Ф. Тохяна, А. Туняна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – А. Мелкумьяна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия пункта 2 части 6 статьи 142 и части 7 статьи 155 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” Конституции на основании обращения Арайка Мелкумьяна”.

Конституционный закон “Судебный кодекс Республики Армения” (далее – также Кодекс) принят Национальным Собранием 7 февраля 2018 года, подписан Президентом Республики 10 февраля 2018 года и вступил в силу с 9 апреля 2018 года.

Согласно пункту 2 части 6 статьи 142 Кодекса существенным дисциплинарным нарушением является совершение судьей такого деяния, которое несовместимо с должностью судьи.

Согласно части 7 статьи 155 Кодекса постановление Высшего судебного совета по вопросу привлечения судьи к дисциплинарной ответственности вступает в силу с момента его оглашения и является окончательным.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 15 мая 2019 года обращение Араика Мелкумяна.

Изучив обращение, письменные объяснения сторон, а также другие имеющиеся в деле документы, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

### **1. Позиции заявителя**

Заявитель, ссылаясь на статью 79, часть 1 статьи 81, часть 5 статьи 164, статью 164 Конституции, статью 142 Конституционного закона “Судебный кодекс РА”, заявляет, что Конституция, в числе прочих оснований, предусмотрела два следующих отдельных случая прекращения полномочий судьи: нарушение требований несовместимости и совершение существенного дисциплинарного нарушения. Законодатель в качестве вида существенного дисциплинарного нарушения отметил термин “несовместимое с должностью”, а не термин “несовместимое со статусом”.

По мнению заявителя, под термином “несовместимое с должностью судьи” следует понимать поведенческую несовместимость, совершение такого нарушения норм поведения, которое несовместимо с должностью судьи. Между тем в данном случае Высший судебный совет идентифицировал допущенную судьей ошибку и несовместимость с должностью судьи и установил отдельное основание прекращения полномочий. Заявитель отмечает также, что по дисциплинарным делам, возбужденным в отношении судей Араика Мелкумяна и Рубена Апиняна за одно и то же деяние, Верховный судебный совет дал противоречивые толкования.

Ссылаясь на статьи 61, 79 и 81 Конституции, часть 7 статьи 155 Кодекса, статьи 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заявитель утверждает, что право на обжалование судебных актов является важной частью эффективного средства правовой защиты. Учитывая, что в данном случае часть 7 статьи 155 Кодекса не предоставляет

возможность обжалования постановления Высшего судебного совета, заявитель считает, что указанная статья противоречит статье 61 Конституции.

## **2. Позиции ответчика**

Ответчик, ссылаясь на статьи 162, 163, 164 Конституции, статьи 67, 69 и 70 Конституционного закона “Судебный кодекс РА”, отмечает, что целью правил поведения судьи является способствование посредством соблюдения этих правил обеспечению независимости и беспристрастности суда, а также формированию доверия и уважения к суду.

Ответчик утверждает, что разделяет выраженную в Постановлении Высшего судебного совета от 14 февраля 2019 года BDHk-8-V-K-04 позицию относительно признания пункта 2 части 6 статьи 142 Конституционного закона “Судебный кодекс РА” противоречащим требованиям Конституции.

Обращаясь к вопросу конституционности части 7 статьи 155 Кодекса, ответчик считает, что обжалование решений Высшего судебного совета в судах снизит его роль и значение в системе судебной власти, более того, нелогичным станет существование этого учреждения как коллегиального органа, являющегося гарантом независимости судов и судей.

Исходя из вышеизложенного, ответчик считает, что пункт 2 части 6 статьи 142 и часть 7 статьи 155 Конституционного закона “Судебный кодекс РА” соответствуют требованиям Конституции.

## **3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела**

Для определения конституционности оспариваемых по настоящему делу положений Конституционный Суд считает необходимым, в частности, обратиться к следующим вопросам:

1. Ограничивает ли пункт 2 части 6 статьи 142 Кодекса установленное статьей 49 Конституции право лица на поступление на публичную службу и в случае ограничения соответствует ли это принципу определенности ограничения основных прав и свобод?

2. Нарушает ли то, что постановления Высшего судебного совета (ВСС) по вопросу привлечения судьи<sup>1</sup> к дисциплинарной ответственности являются окончательными и неоспоримыми (часть 7 статьи 155 Кодекса), права лица на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство?

На основании вышеизложенного Конституционный Суд оценивает конституционность оспариваемых по настоящему делу положений с точки зрения статьи 49, части 1 статьи 61 и статьи 79, взаимосвязанных со статьей 78 Конституции, учитывая части 5 и 9 статьи 164, часть 8 статьи 166 и статью 175 Конституции.

#### **4. Правовые позиции Конституционного Суда**

**4.1.** Согласно первому предложению статьи 49 Конституции каждый гражданин имеет право поступления на публичную службу на общих основаниях. Причем это основное право в рамках его конституционной формулировки не подлежит никакому ограничению, однако регламентирующие его детали должны устанавливаться законом (второе предложение статьи 49 Конституции).

Конституционный Суд считает, что из формулировки статьи 49 Конституции следует, что право поступления на публичную службу на конституционном уровне гарантировано только для граждан Республики Армения, для реализации этого права законодатель обязан обеспечить общие основания, исключая любую дискриминацию.

С другой стороны, механизмы реализации основного права поступления на публичную службу на общих основаниях могут существенно отличаться друг от друга в зависимости от особенностей публичной должности и вида публичной службы.

Помимо этого, *в основное право поступления на публичную службу на общих основаниях входит также право пребывания лица в публичной должности, занимаемой им на общих основаниях*, что, в свою очередь, предполагает запрет на увольнение с публичной службы на не предусмотренных законом основаниях, а также своевольно.

Для лиц, занимающих должность судьи, постольку, поскольку это касается *судьи как носителя основного права поступления на публичную службу*, существует дополнительная, производная от основополагающего принципа правового государства *конституционная*

---

<sup>1</sup> В рамках настоящего дела термин “судья” касается судей судов общей юрисдикции и специализированных судов

*гарантия несменяемости, детали обеспечения которой должны устанавливаться исключительно Конституционным законом – Судебным кодексом (часть 8 статьи 166 Конституции, взаимосвязанная с частью 11 статьи 164 Конституции).*

Основные гарантии **последовательности пребывания в должности судьи** устанавливаются на конституционном уровне: основания завершения и прекращения полномочий судьи исчерпывающе установлены Конституцией, Конституцией установлены также компетентные органы, занимающиеся вопросом прекращения полномочий судьи (часть 9 статьи 164 Конституции). Кроме того, в силу Конституции *основания и порядок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности* должны устанавливаться *не обычным, а исключительно конституционным законом*, в данном случае – Судебным кодексом (часть 5 статьи 164 Конституции).

Конституционный Суд считает, что общее содержание установленных Конституцией вышеупомянутых регулирований сводится к следующему:

1) каждый гражданин Республики Армения, поступая на публичную службу на общих основаниях, также имеет право пребывать в должности и добровольно не уходить с должности;

2) *гражданин, занимающий должность судьи*, в дополнение к общему праву на пребывание в должности, *получает специальную гарантию в виде несменяемости*, гарантирующей последовательность пребывания в должности;

3) *уйти с должности судьи или быть отстраненным от должности гражданин может исключительно на основаниях, предусмотренных Конституцией, в установленном Конституцией порядке* посредством особой процедуры, закрепленной Конституционным законом;

4) в ходе толкования тех закрепленных Конституцией оснований завершения или прекращения полномочий судьи, которые подлежат конкретизации в Конституционном законе, законодатель должен проявлять сдержанность и посредством законодательных регулирований не переиначивать системную логику Конституции, а именно излишне не расширять законодательную возможность применения этих оснований, не допускать их произвольного толкования, гарантировать соблюдение всех требований справедливости в ходе их применения, включая надлежащие процедурные гарантии при прекращении полномочий судьи.

Конституционный Суд заявляет, что во всех случаях, когда полномочия судьи прекращаются, это касается не только статуса судьи, но и его основного права как гражданина Республики Армения на поступление на публичную службу: он лишается права занимать в дальнейшем должность, следовательно, это его право ограничивается.

**4.2.** Одним из оснований прекращения полномочий судьи, то есть их принудительного прерывания по специально указанному в Конституции решению государственного органа – Высшего судебного совета, является *совершение существенного дисциплинарного нарушения* (часть 9 статьи 164 Конституции). Согласно части 6 статьи 142 Кодекса существенным дисциплинарным нарушением является совершение дисциплинарного нарушения судьей, имеющим два выговора или один строгий выговор, или *совершение судьей такого деяния, которое несовместимо с должностью судьи*.

Согласно системной логике Кодекса, прекращение полномочий судьи в результате дисциплинарного производства является одним из взысканий, налагаемых по решению Высшего судебного совета, поэтому разграничение существенного дисциплинарного нарушения и несущественного нарушения и наложение соответствующего взыскания осуществляются в рамках одного и того же производства по привлечению судьи к дисциплинарной ответственности.

Законодатель квалифицирует как существенное дисциплинарное нарушение, в одном случае, совершение любого иного дисциплинарного нарушения при наличии конкретных взысканий за несущественные дисциплинарные нарушения, то есть *определенное, особенно количественное сочетание дисциплинарных нарушений*, в другом случае, *характер одного конкретного дисциплинарного нарушения*, то есть “совершение судьей такого деяния, которое несовместимо с должностью судьи”.

Конституционный Суд считает, что упомянутое положение, которое содержит неопределенные правовые понятия, предполагает, что решать вопрос о том, какое именно деяние судьи несовместимо с должностью судьи, должен исключительно правоприменительный орган – Высший судебный совет. Это означает, что, во-первых, необходимо истолковать, включает ли “совершение судьей деяния” бездействие, кроме того, необходимо установить, какое деяние несовместимо с должностью судьи.

**4.3.** Учитывая то обстоятельство, что вопрос относительно конституционности касается соответствия вмешательства на подобных основаниях в исполнение судьей своих

должностных обязанностей, а именно ограничения на этом основании его основного права, требованию определенности, установленному статьей 79 Конституции, Конституционный Суд считает необходимым обратиться к соответствующим относимым правовым позициям, выраженным в его предыдущих постановлениях.

Соответственно, в частности:

1) “...закон также должен соответствовать той правовой позиции, выраженной в ряде решений Европейского суда по правам человека, согласно которой какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не соответствует принципу правовой определенности (*res judicata*), то есть не сформулирована достаточно четко для того, чтобы позволить лицу регулировать свое поведение” (ПКС-630);

2) “принцип правового государства, в числе прочего, требует также наличия правового закона. Последний должен быть достаточно доступным для того, чтобы субъекты права имели возможность в соответствующих обстоятельствах определить, какие правовые нормы применяются в данном случае. Норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована достаточно четко, что позволило бы физическим и юридическим лицам регулировать свое поведение в соответствии с ней – они должны иметь возможность предвидеть последствия, которые могут возникнуть в результате данного действия.

Важным фактором для оценки предсказуемости закона является обстоятельство наличия или отсутствия противоречий между различными регулированиями, регламентирующими данные отношения” (ПКС-753);

3) “...Конституционный Суд считает, что в условиях отсутствия существенных различий между правонарушениями, указанными в статье 63 Судебного кодекса РА и статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, и составом преступления, указанным в оспариваемой норме, лицо лишается возможности предвидеть правовые последствия своего поведения, что не исходит из принципов предсказуемости и определенности закона” (ПКС-851);

4) “Конституционный Суд находит, что в правовом государстве, в рамках признания принципа верховенства права, закрепленные в законе правовые регулирования должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные ожидания. В основе правовых регулираний и правоприменительной практики должен лежать основополагающий подход, согласно которому принцип защиты права законных ожиданий является одним из

неотъемлемых элементов правового государства и гарантирования верховенства права” (ПКС-1148);

5) “одним из важнейших признаков закрепленного в статье 1 Конституции РА правового государства является верховенство права, одним из основных требований обеспечения которого является принцип правовой определенности, регулирование правовых отношений исключительно такими законами, которые отвечают определенным качественным признакам – являются четкими, предсказуемыми, доступными” (1270);

6) “в контексте ряда иных постановлений (ПКС-630, ПКС-1142), обращаясь к принципу правовой определенности, Конституционный Суд счел, что данный принцип необходим, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и были уверены как в неизменяемости своего официально признанного статуса, так и в вопросе приобретенных прав и обязанностей (ПКС-1439);

7) согласно статье 79 Конституции при ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение.

Позиции относительно принципа правовой определенности закреплены в ряде постановлений Конституционного Суда, в частности, в Постановлениях ПКС-630, ПКС-753, ПКС-1270, из которых следует, что Конституционный Суд рассматривает принцип правовой определенности как одно из главных требований верховенства права, которое является важнейшим признаком установленного статьей 1 Конституции правового государства, и действие упомянутого конституционно-правового принципа распространяется на все законы, независимо от того, они ограничивают основное право или регулируют реализацию основного права (ПКС-1357).

Обращаясь к принципу правовой определенности, Конституционный Суд в своих постановлениях высказал правовые позиции относительно того, что, в частности, какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не сформулирована достаточно четко, что позволит гражданину совместить с ней свое поведение (ПКС-630), закон должен быть достаточно доступным, чтобы субъекты права имели возможность в соответствующих обстоятельствах определить, какие правовые нормы применяются в

данном случае (ПКС-753), употребляемые в законодательстве понятия должны быть точными, определенными и не приводить к разнохарактерным толкованиям или путанице (ПКС-1176, ПКС-1449);

8) “...Конституционный Суд считает, что принцип правовой определенности предполагает как наличие по возможности точного правового регулирования, так и обеспечение его предсказуемости. В частности, формулировка правового регулирования должна дать лицу не только возможность сформировать свое поведение в соответствии с ним, но и возможность предвидеть, какими могут быть действия публичной власти и какие последствия повлечет применение данного правового регулирования.

...Конституционный Суд считает, что, наряду с предусмотрением требования определенности закона, невозможно предусмотреть регулирование всех вопросов исключительно законом, по этой причине в этом вопросе особенно важно четкое толкование закона судебными инстанциями.

Конституционный Суд подтверждает выраженную им в Постановлении от 03.05.2016 г. ПКС-1270 правовую позицию о том, что “даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых норм и приведения их в соответствие с изменяющимися обстоятельствами – развивающимися общественными отношениями всегда существует. Следовательно, *определенность и четкость законодательных регулирований не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная четкость может быть восполнена толкованиями суда*”. Вышеизложенное подтверждается также правовыми позициями Европейского суда по правам человека, в частности, в Решении по делу Бусуек против Молдовы (Case of Busuioc v. Moldova, application no. 61513/00, 21/12/2004) Суд нашел, что “...хотя определенность формулировок весьма желательна, необходимо избегать чрезмерной жесткости, так как право должно обладать способностью следовать за меняющимися обстоятельствами. Поэтому во многих законах используются термины, которые в большей или меньшей мере являются неопределенными. Их толкование и применение – задача судебной практики” (ПКС-1452, выделено Конституционным Судом).

9) “Конституционный Суд в своем Постановлении от 9 июня 2015 года ПКС-1213 установил, что “...правовые регулирования, закрепленные в законе в рамках признания принципа верховенства права, должны сделать для лица предсказуемыми его правомерные

ожидания. Кроме того, принцип правовой определенности, являясь одним из основополагающих принципов правового государства, предполагает также, что действия всех субъектов правоотношений, в том числе носителей власти, должны быть предсказуемыми и законными” (ПКС-1475).

Подтверждая и развивая свои правовые позиции, Конституционный Суд находит, что:

1) *правовая определенность является также важным элементом правовой безопасности*, который, в числе прочего, обеспечивает доверие к публичной власти и ее институтам;

2) в правовом государстве защита доверия к дальнейшему существованию действующего правопорядка должна быть гарантирована исключительно посредством определенных, то есть *предсказуемых, четких и доступных всем законодательных регулирований*;

3) принцип определенности получил свое отражение не только как установленное статьей 79 Конституции требование к содержанию законов, ограничивающих основные права и свободы, но и как основополагающий элемент принципа законности, согласно которому нормы, уполномочивающие принятие подзаконных нормативно-правовых актов, должны соответствовать требованиям правовой определенности (второе предложение части 2 статьи 6 Конституции);

4) нарушение публичной властью принципа определенности непосредственно влияет на принцип верховенства закона и существенно снижает степень свершенности правового государства;

5) четкость, предсказуемость и доступность законов, ограничивающих основные права и свободы, прямо пропорциональны степени ограничения основного права: **чем более интенсивным является это ограничение, тем более четкими, предсказуемыми и доступными должны быть формулировки упомянутых законов**, чтобы не создавать двусмысленности для частных лиц в вопросе содержания и наличия запретов, иных ограничений или возложенных на них обязанностей;

6) учитывая множество насущных вопросов и невозможность отреагировать на все ситуации нормотворческим путем, требование определенности законодательных и подзаконных регулирований не исключает закрепление неопределенных правовых понятий

в законах и подзаконных нормативно-правовых актах, однако это обязательно должно сопровождаться равноценным толкованием подобных понятий, а в идентичных случаях – их единообразным толкованием, без чего невозможно констатировать предсказуемость этих положений;

7) вмешательство в право имеющих гарантии неизменяемости публичных должностных лиц на дальнейшее пребывание в должности должно быть более четко регламентировано: все его основания, процедуры, а также органы компетентной публичной власти и их полномочия должны быть установлены законом, а в случае судей – конституционным законом.

4.4. Европейский суд по правам человека, обращаясь к термину “нарушение присяги”, отметил, что текст присяги судьи создает неограниченные возможности для толкования термина, предоставляя дисциплинарному органу широкую свободу усмотрения.

Европейский суд по правам человека, признавая, что в некоторых сферах принятие с высокой точностью законов весьма проблематично и что даже необходима определенная гибкость, тем не менее отметил, что в данном случае **нет никаких признаков того, что на момент рассмотрения дела заявителя имелись какие-либо принципы и практика, позволяющие точно и последовательно интерпретировать понятие “нарушение присяги”**, кроме того, национальное законодательство не предусматривало соответствующую градацию санкций за дисциплинарные проступки, а также правила, обеспечивающие их применение в соответствии с принципом соразмерности, констатируя, что за дисциплинарные проступки существовало только три вида дисциплинарных санкций: выговор, понижение квалификационного класса и увольнение. Эти три вида санкций оставляли мало места для применения к судье дисциплинарных мер на пропорциональной основе, в результате чего **власти имели ограниченные возможности для соблюдения баланса между конкурирующими общественными и личными интересами в свете каждого конкретного случая.**

В результате Суд пришел к заключению, что отсутствие каких-либо принципов и практики точной и последовательной интерпретации такого проступка, как “нарушение присяги”, а также отсутствие надлежащих правовых гарантий привели к невозможности предсказать последствия применения соответствующих положений национального права, из чего можно предположить, что практически любой проступок судьи, совершенный в любое

время за время его карьеры, может быть интерпретирован по желанию дисциплинарного органа как достаточное фактическое основание для дисциплинарного обвинения в “нарушении присяги” и привести к отстранению судьи от должности (*OLEKSANDR VOLKOV v. UKRAINE, Решение от 9 января 2013 года*).

В своем другом решении Европейский суд по правам человека отметил, что объем понятия “предсказуемость” во многом зависит от содержания рассматриваемого инструментария, от той области, для которой он предназначен, и тех субъектов, которым адресован (*Gorzelik and Others v. Poland, решение от 17 февраля 2004 года*).

Европейская комиссия “За демократию через право” (Венецианская комиссия) в ряде своих мнений обращалась к вопросу о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.

Итак, Венецианская комиссия считает, что законодательство, регулирующее **правоотношения, связанные с дисциплинарной ответственностью судьи и с органами, принимающими дисциплинарное решение, должно быть четко сформулировано.** Страны часто сталкиваются с трудностями, когда **основания для дисциплинарных действий недостаточно конкретизированы.** Отсутствие четко установленных правил опасно, поскольку **в случае дисциплинарных правонарушений** может начаться произвол в связи с преследованием судей. Именно поэтому действующий в рамках Совета Европы Консультативный совет европейских судей (КСЕС) в своем Заключении от 2001 года № 1 о независимости судебных органов предложил установить стандарты, определяющие не только поведение, которое может привести к отстранению судьи от должности, но также и типы поведения, которые могут привести к дисциплинарным мерам или изменению статуса (CDL-AD (2007) 009, пункт 6).

Согласно Венецианской комиссии, в аспекте предсказуемости Европейский суд по правам человека на протяжении многих лет разработал критерии для принятия решения о том, предусмотрено ли законом вмешательство в право, и пришел к выводу, что наличия правовых регулирований недостаточно, они должны быть точными и их последствия должны быть предсказуемы для всех заинтересованных сторон. Эти требования применимы к дисциплинарному разбирательству, так как и в ходе этого производства должно быть ясно, какие действия подпадают под дисциплинарную ответственность (CDL-AD (2007) 009, пункт 15).

В одном из своих заключений, констатируя, что **нарушения в законодательстве сформулированы настолько широко, что они могут охватывать самые разнообразные спектры судебного поведения, встречающиеся при рассмотрении дела**, что фактически представляет угрозу принципу независимости судей, Венецианская комиссия взамен этого предложила четко ограничить рамки дисциплинарной ответственности судьи. Комиссия подчеркнула, что целью принципа независимости судей является обеспечение того, чтобы судьи были избавлены от внешнего влияния при вынесении на основании закона решения по делу и не опасались каких-либо последствий при исполнении своих обязанностей, за исключением (уголовного) дела об искажении правосудия (CDL-AD (2007) 009, пункт 17).

По мнению Венецианской комиссии, целью дисциплинарных правил для судей является обеспечение авторитета судов, а не обеспечение правильного применения закона, что является задачей апелляционной процедуры. Увольнение как почти автоматическая санкция за “нарушение закона” противоречит основной концепции независимости судебной власти. В соответствии с этим в законе должно быть четко установлено, что отстранение от должности является наиболее серьезной санкцией, которая применяется только в самых крайних случаях и в качестве крайней меры. Дисциплинарная комиссия должна знать, что все ее решения должны пройти проверку на соразмерность, как это изложено в **прецедентном праве Европейского суда по правам человека** (CDL-AD (2007) 009, пункт 29).

Комиссия выразила позицию о том, что некоторые основания привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, такие как “дискредитируя судебную систему” или “уменьшая общественное доверие к независимости и беспристрастности судебной системы”, сформулированы довольно расплывчато...

Однако в какой-то мере неизбежно использование законодательным органом открытых формулировок для обеспечения свободы необходимых действий. Это было ранее признано Венецианской комиссией.

При использовании законодателем таких формулировок особенно важно, какому именно органу поручено их толкование и применение на практике. В Армении эта задача возложена на Высший судебный совет, который обладает достаточной институциональной независимостью и может предложить основные гарантии справедливого судебного разбирательства (см. глава 14 Судебного кодекса). Также важно, чтобы дисциплинарная

ответственность могла быть применена только в случае нарушения правил поведения судей, а не в случае не очень точно сформулированного понятия “правила этики” (см. часть 3 статьи 68 Судебного кодекса). Таким образом, возможно передать решение вопросов дальнейшего развития и конкретизации этих открытых стандартов Высшему судебному совету, если это следует из иных требований закона (преднамеренный умысел или преступная халатность со стороны судьи, **существенные серьезные последствия, наступающие вследствие нарушения** и т. д.) (CDL-AD (2019) 024, пункт 40).

Обращаясь к одному из проектов Судебного кодекса Республики Армения, Комиссия констатировала, что часть 6 статьи 155 разъясняет, что представляет собой “грубое дисциплинарное нарушение”. Этот порог может быть достигнут (1), если судья совершает ряд менее серьезных нарушений или (2) если судья совершает “действие, порочащее судебную власть”, или такое деяние, которое “несовместимо с должностью судьи”. Венецианская комиссия проводит здесь определенную параллель: согласно части 1 статьи 60 “подрыв высокого авторитета судебной власти” характеризуется как основание для дисциплинарной ответственности, но не обязательно как “грубое дисциплинарное нарушение”. Венецианская комиссия считает, что следует уточнить взаимосвязь между частью 1 статьи 60 и частью 6 статьи 155. Представляется, что нарушение одного и того же вида может привести к менее строгому дисциплинарному взысканию (например, к предупреждению) или квалифицироваться как “грубое нарушение”, независимо от констатации предыдущих нарушений, и тем самым непосредственно приводит к прекращению статуса судьи. В принципе, такая модель приемлема, но дисциплинарные органы должны быть в курсе, что не все “действия, которые порочат судебную власть” или такое деяние, которое “несовместимо с должностью судьи”, обязательно предполагают грубое нарушение – принцип соразмерности всегда должен применяться (часть 2 статьи 138 проекта Кодекса). Это должно быть четко указано в проекте Кодекса (CDL-AD(2017) 019, пункт 157).

**4.5.** Конституционный Суд констатирует, что принятая Республикой Армения модель привлечения судьи к дисциплинарной ответственности также не осталась в стороне от частично общих формулировок правил, устанавливающих основания дисциплинарной ответственности.

Хотя в Кодексе детально урегулированы процедуры привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, а также функции и полномочия компетентных органов, тем не менее при определении существенного дисциплинарного нарушения законодателем использовались неопределенные правовые понятия, по части которых Высший судебный совет имеет широкую свободу оценки.

В контексте оспариваемых положений Конституционный Суд на данном этапе не считает необходимым обращаться ко всей сопряженной с оспариваемыми положениями системе дисциплинарной ответственности, принимая во внимание, в числе прочих обстоятельств, запланированную в целях совершенствования Кодекса работу, особенно по этому вопросу, в ходе которой необходимо учитывать также наилучший международный опыт.

Вместе с тем Конституционный Суд считает необходимым обратить внимание субъектов законодательной инициативы на то обстоятельство, четко ли разграничены в Кодексе полномочия, с одной стороны, Апелляционного и Кассационного судов, с другой стороны, Высшего судебного совета в связи с оценкой нарушения материального или процессуального права.

Что касается пункта 2 части 6 статьи 142 Кодекса, то Конституционный Суд придает важное значение не только оценке конституционности неопределенных правовых понятий, употребляемых законодателем в этом пункте, но и тому обстоятельству, стали ли они основой формирования противоречивой практики правоприменительного органа – Высшего судебного совета, как утверждает сторона-заявитель.

Конституционный Суд неоднократно отмечал, что “дискриминация имеется в том случае, когда в рамках одинакового правового статуса в отношении того или иного лица или лиц проявляется дифференцированный подход, в частности они лишаются тех или иных прав либо эти права ограничиваются, или они получают привилегии” (ПКС-1224). Между тем в результате изучения другого дела, на которое ссылается заявитель, становится ясно, что его фактические обстоятельства отличаются от фактических обстоятельств дела заявителя, следовательно, различается также квалификация деяний, а компетенция по квалификации совершенных судьями деяний в ходе дисциплинарного производства возложена на Высший судебный совет. С учетом вышеизложенного Конституционный Суд

констатирует, что опасения заявителя в связи с дискриминацией касаются правомерности решения, вынесенного Высшим судебным советом.

Вместе с тем Конституционный Суд констатирует, что пункт 2 части 6 статьи 142 Кодекса не разграничивает, относится ли совершение судьей деяния, несовместимого с должностью судьи, к такому очевидному или грубому нарушению судьей материальных либо процессуальных норм, которое делает невозможным его дальнейшее пребывание в должности, или речь идет о нарушении правил поведения судьи.

Не обращаясь на данном этапе по вышеизложенным причинам к вопросу четкости разграничения правил поведения судей и нарушения материальных и процессуальных норм Конституционный Суд считает, что на основании вышеуказанного оспариваемого положения, по сути, возможно прекращение полномочий судьи в случае проявления им *любого поведения*, даже в случае такого проявления, как, например, непрохождение судьей обязательной переподготовки. Сопоставляя оспариваемое положение с пунктом 1 той же части упомянутой статьи, становится ясно, что законодатель выбрал *несоразмерное* решение: в одном случае, *только совокупность различных дисциплинарных нарушений приводит к прекращению полномочий судьи*, в другом случае, *любое дисциплинарное нарушение может рассматриваться как несовместимое с должностью судьи*. По оценке Конституционного Суда, **это может привести к несоразмерному вмешательству в дела судьи в ходе его дальнейшего пребывания в должности, что ставит под угрозу принцип независимости судей.**

С другой стороны, Высший судебный совет сам решает вопрос прекращения полномочий судей, а Высший судебный совет в соответствии со статьей 173 Конституции является независимым государственным органом, который гарантирует независимость судов и судей, поэтому в силу своей правоприменительной практики он может блокировать произвольное применение упомянутого положения, закрепив исходящие из закона более конкретные критерии. Однако в настоящее время они все еще не получили достаточно детального закрепления, и это ставит под угрозу обеспечение принципа соразмерности в вопросе прекращения полномочий судьи как наиболее интенсивного вмешательства в основное право судьи на его дальнейшее пребывание в должности.

Кроме того, необжалуемость постановлений Высшего судебного совета должна была предопределить максимально точную формулировку всех оснований привлечения судьи к

дисциплинарной ответственности, особенно оснований, влекущих прекращение его полномочий, что законодателем не было сделано.

В то же время должным образом не разграничен круг дисциплинарных взысканий, что создает несоразмерно широкие возможности для применения самого строгого дисциплинарного взыскания. Следовательно, Высший судебный совет не имеет надлежащей правовой базы для применения проистекающих из принципа соразмерности более персонализированных дисциплинарных взысканий в тех случаях, когда совершенное судьей дисциплинарное нарушение не может удостоиться эффективного противодействия путем применения других дисциплинарных взысканий, однако, с другой стороны, для прекращения его полномочий нет всех необходимых предпосылок.

Конституционный Суд констатирует, что субъекты законодательной инициативы должны внедрить более дифференцированную систему дисциплинарных взысканий, предоставляющую возможность большей персонализации, чтобы в каждом конкретном случае можно было сбалансировать все случаи столкновения государственных и частных интересов.

Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд считает, что пункт 2 части 6 статьи 142 Кодекса противоречит статье 79 Конституции, взаимосвязанной со статьей 78 Конституции, постольку, поскольку вследствие нечеткой формулировки не создает надлежащих предпосылок для прекращения полномочий судьи на данном основании и гарантирования соразмерности наиболее интенсивного ограничения его права как частного лица на дальнейшее пребывание в должности, которое обеспечивается гарантией несменяемости судьи, производной от закрепленного статьей 49 Конституции основного права.

**4.6.** Заявитель оспаривает также соответствие части 7 статьи 155 Кодекса Конституции.

Конституционный Суд констатирует, что в рамках пункта 8 части 1 статьи 169 Конституции необходимо определить вопрос нарушения права на эффективную судебную защиту, закрепленного в части 1 статьи 61 Конституции, учитывая особенности статуса Высшего судебного совета.

Конституционный Суд еще раз констатирует, что возможность судебного обжалования является важным элементом права на судебную защиту (см., например, Постановление ПКС-936).

Вместе с тем, учитывая вышеизложенное, существуют дела, которые по своему характеру, субъектному составу и иным основаниям имеют ряд особенностей, поэтому реализация в их части права на судебную защиту и являющегося его элементом права на обжалование, может иметь некоторые различия, в том числе обусловленные особенностью данных дел в аспекте ограничения этого права.

Европейский суд по правам человека, обращаясь в своих решениях к праву на судебную защиту и праву на справедливое судебное разбирательство, отметил, что гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство, частным элементом которого является право на доступ к суду, не является абсолютным правом и может подвергаться определенным ограничениям. Государства в этом аспекте пользуются свободой усмотрения. Тем не менее право на доступ к суду не может быть ограничено до такой степени, чтобы исказилась его суть. Ограничения соответствуют пункту 1 статьи 6 Конвенции, если преследуют правовую цель и если между применяемыми мерами и преследуемой целью существует справедливый баланс (*Golder v. United Kingdom*, 21 Feb. 1975; *Fayed v. United Kingdom*, 25 Aug. 1994; *Ashingdane v. United Kingdom*, 28 May 1985; *Garcia Manibardo v. Spain* (15 Feb. 2000), 29.06.2000; *Bellet v. France*, 20 Nov. 1995; *Philis v. Greece*, 27 Aug. 1991; *Tolstoy Miloslavsky v. United Kingdom*, 23 Jun. 1995). Конвенция о защите прав человека и основных свобод не обязывает Договаривающиеся государства создавать апелляционные или кассационные суды, однако если они уже созданы, необходимо обеспечить, чтобы заинтересованные лица в этих судах также пользовались основными гарантиями справедливого судебного разбирательства, предусмотренного статьей 6 Конвенции” (*Delcourt v. Belgium*, 2689/65, 17 января 1970 г.; *Toth v. Austria*, 11894/85, 12 декабря 1991 г.; *Platakou v. Greece*, 38460/97, 11 января 2001 г.). “Суд признает интерес государства в контроле за доступом к суду, когда речь идет об определенной группе вопросов. Тем не менее задача Договаривающихся государств, в частности компетентного национального законодательного органа, а не Суда, состоит в том, чтобы четко определить те сферы публичной службы, включая осуществление дискреционных полномочий, присущих государственному суверенитету, где интересы

индивида должны стоять ниже... Если национальная система блокирует доступ к суду, Суд подтвердит, что спор действительно носит такой характер, что применение исключения к гарантиям, предусмотренным статьей 6, является оправданным. Если спор не таков, нет каких-либо проблем, то будет применен параграф 1 статьи 6 (CASE OF OLUJIĆ v. CROATIA, Application no. 22330/05, JUDGMENT 5 February 2009, FINAL 05/05/2009).

Конституционный Суд в Постановлении ПКС-719, ссылаясь на правовые позиции, выраженные в ряде своих постановлений по вопросам доступа к правосудию и эффективности правосудия в связи с необходимостью исполнения обязательств, принятых Республикой Армения перед Советом Европы, “в то же время подчеркнул значимость определенной вытекающей из этих обязательств внутригосударственной дискреционной свободы в вопросе законодательных ограничений права доступа к правосудию и, особенно, права на обжалование в судебном порядке”.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что эффективная судебная защита, как общее правило, в числе прочего, предполагает наличие в государстве иерархии судебных инстанций и возможность судебной защиты для каждого в каждой из этих инстанций. В то же время по некоторым делам государства могут отклоняться от общего правила и гарантировать право на судебную защиту по этим делам в рамках одного суда (судебной инстанции).

В Республике Армения дела о привлечении судей к дисциплинарной ответственности и прекращении их полномочий относятся к такому типу дел. Вопросы, связанные с привлечением судей к дисциплинарной ответственности и прекращением их полномочий, решает Высший судебный совет, который по этим делам выступает в качестве суда, и вынесенные которым решения вступают в силу с момента их опубликования и являются окончательными.

В контексте действующих конституционных регулирований предусмотрение классического варианта обжалования решений Высшего судебного совета о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности на практике может вызвать ряд проблем как в аспекте применимости, так и в аспекте эффективности. Кроме того, в вопросе обеспечения функциональной эффективности судебной системы подобное регулирование не следовало бы из конституционного статуса и миссии Высшего судебного совета как независимого государственного органа.

Конституционный Суд, в свое время оценив конституционность компетенции вынесения Советом правосудия окончательного акта в случаях, когда он выступает в роли суда, отметил, что “важным имеющим методологическое значение обстоятельством является то, что этот орган, состоящий в основном из действующих судей, а также ученых-юристов, в рамках своей конституционной компетенции и при наличии установленных законом оснований **оценивает, насколько уполномоченное им исполнять обязанности судьи должностное лицо верно принесенной им присяге и как исполняет свои служебные обязанности.**

Конституционный Суд считает, что эта система является целостной в вопросе гарантирования исполнения своих функций с точки зрения обеспечения внутрисистемной стабильности и эффективности. **Она не выходит за рамки осуществления конституционной функции оценки исполнения судьей своих служебных обязанностей и его профессиональной пригодности, что является исключительной компетенцией этого органа.** Предоставление судам контрольных полномочий в этом вопросе сделало бы в целом бессмысленным существование Совета правосудия как самостоятельного и независимого органа в системе судебной власти, наделенного предоставленной Конституцией только ему компетенцией” (ПКС-1063).

Подтверждая правовую позицию, выраженную в вышеупомянутом Постановлении, и в дополнение к ней Конституционный Суд констатирует, что, учитывая функциональную роль Высшего судебного совета как независимого государственного органа в вопросе обеспечения независимости судов и судей, а также конституционные функции других судов, входящих в судебную систему, в условиях действующих конституционных регулирований отсутствует какая-либо правовая возможность пересмотра в каком-либо органе судебной власти Республики Армения постановлений этого органа о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности. **В силу статьи 175 Конституции исключительное право на решение вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности принадлежит Высшему судебному совету.** Если при таких обстоятельствах суд какой-либо из действующих в Республики Армения инстанций пересмотрит постановление Высшего судебного совета о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности и в результате вынесет новый судебный акт, например, отменит и изменит постановление Высшего судебного совета, действующего в качестве

суда, то в итоге получится, что суд именно этой инстанции решил вопрос о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, в свете всего вышеизложенного, Конституционный Суд констатирует, что в контексте действующих конституционно-правовых регулирований отсутствует правовая возможность обжалования в каком-либо из действующих в Республике Армения судов постановлений Высшего судебного совета о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, поскольку это противоречит статусу Высшего судебного совета как независимого конституционного органа. Кроме того, пересмотр этих постановлений, то есть решение вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, выходит за рамки конституционных функций судов Республики Армения.

Конституционный Суд по настоящему делу *mutatis mutandis* считает приемлемой также выраженную в Постановлении ПКС-1063 правовую позицию, согласно которой "... обжалование в судебном порядке подобных решений вне законодательно закрепленных рамок в условиях предусмотренной Конституцией РА действующей судебной системы может быть взаимосвязано с положениями части 1 статьи 92 Конституции РА. Это обусловлено тем, что в состав Совета правосудия в основном входят действующие судьи из различных звеньев судебной системы РА, включая Кассационный Суд РА. В подобных условиях в системе судов общей юрисдикции и специализированных судов не предусмотрена такая судебная инстанция, статус судей которой будет выше статуса судей Кассационного Суда РА. В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым в настоящем деле упомянуть также пункт 5 Постановления от 28 ноября 2007 года ПКС-719, в котором Конституционный Суд посчитал неприемлемой возможность рассмотрения судьей, находящимся на том же или более низком государственно-властном уровне, заявлений об оспаривании действий (бездействия) председателя того же суда или судей вышестоящей инстанции. Конституционный Суд считает, что подобная позиция в равной степени применима также и к являющимся предметом рассмотрения решениям Совета правосудия".

**4.7.** Учитывая запрет на обжалование постановлений Высшего судебного совета по вопросам о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, Конституционный Суд считает необходимым установить, предусмотрены ли существующими правовыми регулированиями достаточные гарантии, при которых может быть обеспечена реализация

прав лица на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Этот вопрос следует рассматривать в контексте конституционного статуса Высшего судебного совета, порядка формирования, принципов и процедур деятельности Высшего судебного совета.

В Решении по делу Сагателян против Армении Европейский суд по правам человека, обращаясь к случаям, когда споры, к которым применима статья 6 Конвенции, разрешают отличающиеся от судов органы, отметил, что “Конвенция требует наличия по крайней мере одной из следующих систем: органы, обладающие соответствующей компетенцией, либо сами удовлетворяют требованиям пункта 1 статьи 6 либо не совсем удовлетворяют, однако подлежат дополнительному контролю со стороны такого судебного органа, который имеет полноценную компетенцию и обеспечивает гарантии пункта 1 статьи 6 (см. Альбер и Ле Конт против Бельгии [Albert and Le Compte v. Belgium], 10 февраля 1983 года, § 29, Ряд А номер 58)”.

Далее Европейский суд по правам человека отметил, что “Суд должен изучить, мог ли Совет правосудия считаться “независимым и беспристрастным судом”, как того требует пункт 1 статьи 6.

Суд счел, что для определения того, можно ли считать суд “независимым”, по смыслу пункта 1 статьи 6 необходимо учитывать, *inter alia*, порядок назначения его членов и срок их полномочий, наличие гарантий от внешнего давления и вопрос о том, воспринимается ли орган как независимый. Что касается вопроса “беспристрастности”, то у этого требования есть два аспекта. Во-первых, суд должен быть субъективно свободен от личных предубеждений или предвзятости. Во-вторых, суд должен быть объективно беспристрастным, то есть должен обеспечить достаточные гарантии, дабы исключить любые закономерные сомнения в этом аспекте. Понятия независимости и объективной беспристрастности тесно связаны, и Суд часто рассматривает их вместе (см. Финдлейн против Соединенного Королевства, [Findlay v. the United Kingdom], 25 февраля 1997 года, § 73; Отчеты о решениях и постановлениях 1997-I; Брудника и другие против Польши [Brudnicka and Others v. Poland], жалоба номер 54723/00, § 38, ЕСПЧ 2005-II)”.

Иначе говоря, право, закрепленное в первой части статьи 6 Конвенции, гарантируется не возможностью обжалования соответствующего решения и числом соответствующих судебных инстанций, а статусом органа (суда), вынесшего это решение. Если этот орган не отвечает критериям “независимого и беспристрастного суда”, то вынесенные им акты

должны быть подвергнуты дополнительной проверке судом, отвечающим указанным критериям. Следовательно, в тех случаях, когда дело изначально рассматривалось органом, отвечающим установленным частью первой статьи 6 критериям “независимого и беспристрастного суда”, отсутствие возможности обжалования вынесенных этим органом актов само по себе не является нарушением права на судебную защиту.

Согласно статье 173 Конституции Высший судебный совет является независимым государственным органом, который гарантирует независимость судов и судей, а согласно пунктам 7 и 8 части 1 статьи 175 Высший судебный совет решает вопросы о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, а также о прекращении полномочий судей. Согласно части 2 той же статьи Высший судебный совет в случае рассмотрения вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, а также в других случаях, установленных Судебным кодексом, выступает в качестве суда.

Конституция предоставила Высшему судебному совету решающую роль в вопросе назначения судей (статья 175 Конституции). Согласно части 4 статьи 175 Конституции иные полномочия и порядок деятельности Высшего судебного совета устанавливаются Судебным кодексом.

Согласно статье 174 Конституции Высший судебный совет состоит из десяти членов. Пятерых членов Высшего судебного совета избирает Общее собрание судей из состава судей, имеющих как минимум десятилетний опыт работы судьями. Причем в Высший судебный совет должны включаться судьи из судов всех инстанций. Помимо этого, член, избранный Общим собранием судей, не может являться председателем суда или председателем палаты Кассационного суда.

Пятерых членов Высшего судебного совета избирает Национальное Собрание как минимум тремя пятими голосов от общего числа депутатов из числа юристов-ученых и других авторитетных юристов, являющихся гражданами только Республики Армения, обладающих избирательным правом, высокими профессиональными качествами и имеющих как минимум пятнадцатилетний опыт работы по профессии. Член, избранный Национальным Собранием, не может быть судьей.

Члены Высшего судебного совета избираются сроком на пять лет – без права на переизбрание. Высший судебный совет на срок и в порядке, установленные Судебным

кодексом, избирает из своего состава председателя Совета – поочередно из членов, избранных Общим собранием судей и Национальным Собранием.

Гарантии, обеспечивающие независимость и беспристрастность деятельности Высшего судебного совета, закреплены также в Судебном кодексе. В частности, члены Высшего судебного совета, не являющиеся судьями, также ограничены правилами поведения, установленными для судей (часть 2 статьи 66), для них, также как и для судей, обязательна соответствующая присяга, установленная Законом при вступлении в должность (часть 2 статьи 82). Кодекс устанавливает требования относительно несовместимости, предъявляемые к избранным Национальным Собранием членам Высшего судебного совета, и гарантии их деятельности (статья 83).

Кодекс также детально регулирует порядок избрания Общим собранием судей-членов Высшего судебного совета (статья 76). Регулированию отношений, связанных с завершением и прекращением полномочий членов Высшего судебного совета, посвящена статья 86 Кодекса, которая предусматривает практически те же регулирования, что и для судей в целом, как в аспекте оснований, так и процедур.

**4.8.** Что касается гарантий, предоставляемых с точки зрения принципов и процедур деятельности Высшего судебного совета, то их основным источником является часть 2 статьи 175 Конституции, согласно которой Высший судебный совет в случае рассмотрения вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, а также в других случаях, установленных Судебным кодексом, выступает **в качестве суда** в том смысле, что порядок и формирования, и деятельности независимого государственного органа, выступающего в качестве суда, должен соответствовать характерным для судов соответствующим признакам.

Конституционный Суд относительно термина “действует в качестве суда”, касающегося действующего ранее Совета правосудия, в своем Постановлении от 18 декабря 2012 года ПКС-1063 выразил следующую позицию: “.... Конституционный Суд считает, что под термином “действует в качестве суда” необходимо подразумевать **порядок деятельности Совета правосудия, а не его функциональную роль как суда, осуществляющего правосудие**. Это констатируется также частью 1 статьи 158 Судебного кодекса РА, согласно которой “к порядку рассмотрения дел в Совете правосудия при действии его в качестве суда применяются нормы Кодекса административного

судопроизводства Республики Армения постольку, поскольку они по своей сути применимы к рассмотрению дела в Совете правосудия и не противоречат нормам настоящего Кодекса”.

Соответствующие положения, касающиеся порядка деятельности Высшего судебного совета в случаях, когда он действует в качестве суда, в общих чертах обобщены в главе 15 Кодекса. В частности, в статьях 90 и 92 указанной главы закреплены организационные формы и методы деятельности Высшего судебного совета. В соответствии с ними Высший судебный совет осуществляет свою деятельность посредством заседаний. Заседания Высшего судебного совета являются открытыми в случае, когда он выступает в качестве суда, за исключением случаев, когда данные заседания по решению Высшего судебного совета проводятся в закрытом режиме – с целью защиты частной жизни участников производства, интересов правосудия, а также государственной безопасности, общественного порядка или нравственности, или когда судья подал такое ходатайство. В указанных случаях заседание Высшего судебного совета правомочно в присутствии как минимум двух третей от общего числа членов.

Решения, принятые Высшим судебным советом в качестве суда, принимаются как минимум двумя третями голосов от общего числа членов Совета в совещательной комнате – открытым голосованием. Эти решения подписываются всеми членами, присутствующими на заседании, и подлежат опубликованию на официальном сайте судебной власти, за исключением решений, содержащих охраняемую законом тайну. Решения Высшего судебного совета, принятые им в качестве суда, подлежат опубликованию также в порядке, предусмотренном для опубликования подзаконных нормативно-правовых актов Республики Армения.

Член Высшего судебного совета может представить особое мнение относительно мотивировочной или резолютивной части решения, принятого Высшим судебным советом в качестве суда. Если член Высшего судебного совета имеет особое мнение, то об этом производится запись за его подписью в решении Высшего судебного совета, и особое мнение за его подписью прилагается к решению (статья 94 Кодекса).

Соответствующие гарантии и регулирования, характерные процессуальным процедурам по делам о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, закреплены также в статьях 143-158 Кодекса. Их отдельные положения посвящены обязанности

доказывания (обязанность по доказыванию наличия основания привлечения судьи к дисциплинарной ответственности несет орган, возбудивший дисциплинарное производство), презумпции невиновности (статья 143 Кодекса), срокам возбуждения производства с целью привлечения к дисциплинарной ответственности и срокам рассмотрения таких дел (статьи 144 и 150 Кодекса), органам, уполномоченным возбуждать дисциплинарное производство (комиссия по дисциплинарным вопросам, министр юстиции) (статья 145), мотивам для возбуждения дисциплинарного производства (статья 146 Кодекса), ходу рассмотрения таких дел, в частности правам и обязанностям судьи (его право быть выслушанным, право знакомиться с материалами дела, делать выписки, получать их копии, задавать вопросы и давать объяснения, представлять возражения, предъявлять доказательства, участвовать в заседании, выступать лично или через адвоката и др.), вопросам исследования доказательств, правилам завершения рассмотрения по делу и оглашения решения, рамкам рассмотрения дела (обязанность рассмотрения дела исключительно в рамках дисциплинарного нарушения, указанного в решении о заявлении соответствующего ходатайства /статьи 151-153/), правилам принятия и оглашения решения о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности и требованиям, предъявляемым этим решениям (статьи 154-155), основаниям и порядку пересмотра решений Высшего судебного совета по вопросу о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (статья 157) и др.

Несмотря на наличие в Кодексе вышеупомянутых положений, остальные регулирования, необходимые для того, чтобы Высший судебный совет действовал в качестве суда, укомплектованы в Приложении, утвержденном Постановлением Высшего судебного совета от 4 июня 2018 года № 13-П-24 “Об утверждении Регламента Высшего судебного совета Республики Армения”, согласно пункту 107 которого “на этапе рассмотрения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности Совет, действуя в качестве суда, руководствуется нормами Кодекса административного судопроизводства РА настолько, насколько они по своей сути применимы к рассмотрению в Совете вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности”. Из приведенного положения, в числе прочего, следует, что все гарантии, существующие при рассмотрении дела в порядке административного судопроизводства (к которым, например, относится принцип выяснения фактических обстоятельств по должности, права и обязанности сторон в административном

судопроизводстве), действуют также в случаях рассмотрения вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.

Конституционный Суд считает, что вопрос окончательности решений Высшего судебного совета в тех случаях, когда он выступает в качестве суда, может быть решен не только посредством толкования текста относимых положений Конституции, но и посредством их генеалогического толкования.

В частности, в обоснованиях изменений Конституции 2015 года четко выражена идея, согласно которой предоставленное в результате изменений в Конституции 2005 года Президенту Республики право не только прекращения полномочий судьи, но и окончательного решения вопросов о заключении его под стражу и привлечении в качестве обвиняемого было предоставлено **только** Высшему судебному совету. Кроме того, в тех же обоснованиях особо отмечено, что “содержание полномочий (Высшего судебного) Совета существенно отличается от содержания полномочий, закрепленных в действующей Конституции. Так, Совету отведена решающая роль в вопросе назначения судей, в том числе председателей судов. При этом в вопросе назначения судей был выбран формат частичного ограничения самостоятельных полномочий Совета, а в вопросе командировок, перемещения и особенно дисциплинарной ответственности судей – формат полной самостоятельности. **Это особенно важно с точки зрения устройства Совета как высшего дисциплинарного органа, решения которого должны быть окончательными и не подлежащими обжалованию**” (выделено Конституционным Судом).

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, в частности анализ и выдержки относительно полномочий, порядка формирования и принципов деятельности Высшего судебного совета, Конституционный Суд считает, что в случаях, когда Высший судебный совет выступает в качестве суда по делам о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, Конституцией и иными законами предусмотрены такие характерные для судов процессуальные гарантии, каковыми являются, в частности, рассмотрение дела в разумные сроки, равенство всех перед законом и судом, публичность судебного производства, обязательность судебных актов, которые в своей целостности направлены на обеспечение реализации прав, предусмотренных статьями 61 и 63 Конституции.

В то же время следует отметить, что привлеченный к дисциплинарной ответственности судья не лишен возможности оспаривания в Конституционном Суде

конституционности нормы, примененной в отношении него постановлением Высшего судебного совета (что имело место по настоящему делу), а в случае нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод – возможности обращения в Европейский суд по правам человека.

Учитывая на основании вышеизложенного конституционный статус Высшего судебного совета, наличие порядка его формирования и принципов деятельности, Конституционный Суд считает, что непредусмотрение возможности обжалования в судебном порядке постановлений Высшего судебного совета о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности вытекает из существующих конституционных правовых регулирований и не нарушает права лица на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, статью 169, статью 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Пункт 2 части 6 статьи 142 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” признать противоречащим статьям 78 и 79 Конституции и недействительным.

2. Часть 7 статьи 155 Конституционного закона “Судебный кодекс Республики Армения” соответствует Конституции.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ**

**Г. ТОВМАСЯН**

15 ноября 2019 года  
ПКС-1488

Перевод сделан издательско-переводческим отделом  
Конституционного суда Республики Армения